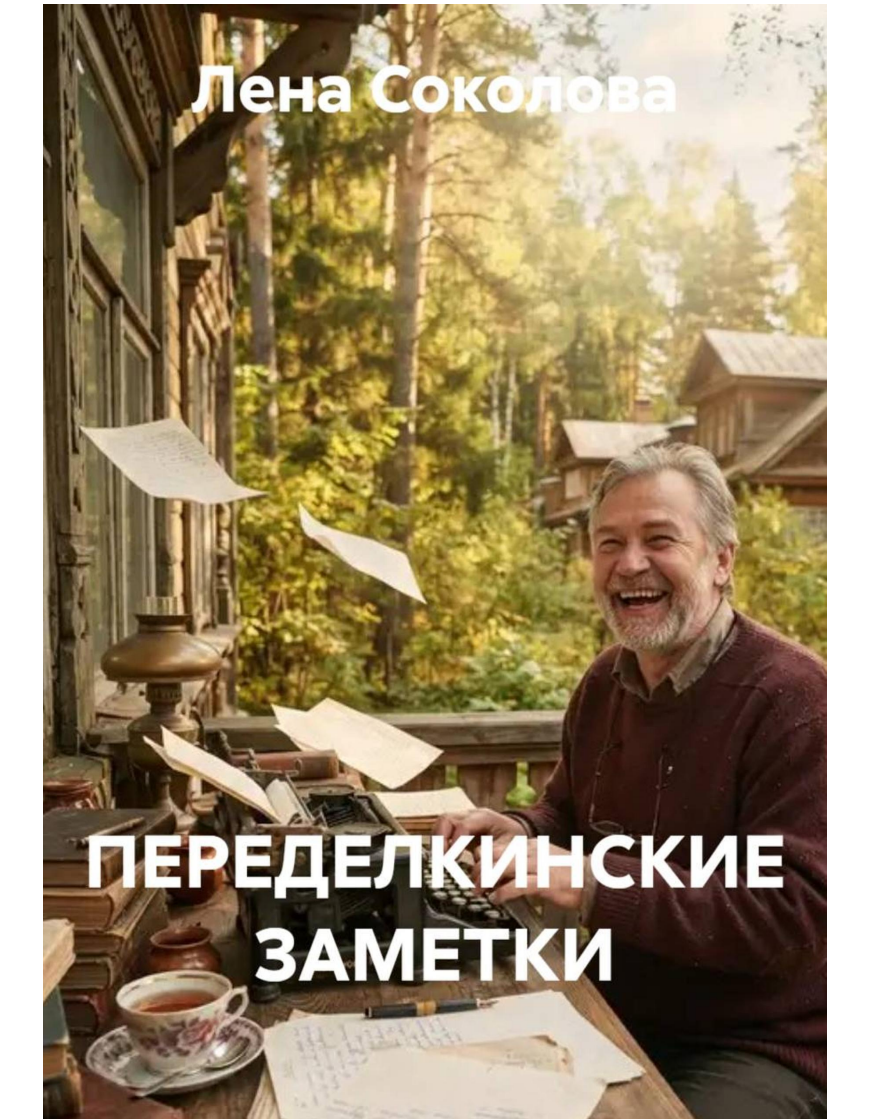

Лена Соколова

**ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ
ЗАМЕТКИ**

Лена Соколова
ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ
ЗАМЕТКИ

<https://litres.ru/74618158>

SelfPub; 2026

Аннотация

"На улице Серафимовича почти никого. Одинокое прохожие иногда встречаются то тут то там, но друг другу не мешают. Иногда можно встретить группу пешеходников, как их немного пренебрежительно называют работники местных музеев. Улица Серафимовича упирается в развилку из трех улиц: резко вправо — улица Горького, которая ведет к Евтушенко, почти прямо — улица Маркса, по которой можно дойти до Церетели и Окуджавы, и налево — короткая улица Дружбы, которая выходит к железной дороге и зеленому массиву."

"Переделкинские заметки" это сборник очерков о моих впечатлениях на резиденции переводчиков в Переделкине в октябре 2026 года, где я работала над романом израильского художника-иллюстратора детских книг и писателя. Буду рада, если кому-то понравится погулять по Переделкину вместе со мной.

Содержание

Окуджава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лена Соколова

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Окуджава

Я иду быстрым шагом под горку. Вокруг лишь заборы и высоченные деревья разной породы. В Переделкине поражает разнообразие флоры — все ели усыпаны желтыми листьями. Я такого нигде еще не видела. Я иду к Окуджаве. Каждый день здесь у меня посвящен одному из знаменитых обитателей минувших лет. Сегодня — Булат Окуджава.

Вдруг сзади слышится резкий звук мотора, неприятными рывками, будто спорткар не успевает разогнаться между лежащими полицейскими и оттого сердится. Оборачиваясь отхожу чуть правее на обочину. Дороги здесь узкие, двум машинам не разъехаться без специальных манёвров. Черная машина с ревом проносится мимо меня и почти сразу со скрежетом тормозит — я лениво начинаю размышлять, стоит ли напрягаться на этот счет, и продолжаю медленно двигаться по своей траектории. Машина чуть поворачивает направо, преграждая мне путь, и останавливается наискосок. Тут я замечаю, что ворота на въезд на территорию дома спра-

ва начинают медленно открываться. Машина спокойно ждет, не обращая на меня никакого внимания. Я, слегка пораженная манерами местных жителей, даю левее и обхожу машину сзади, пытаюсь осуждающе заглянуть в боковое стекло. Параллельно выдыхаю, осознав, что не я была причиной столь резкого торможения.

На улице Серафимовича почти никого. Одинокие прохожие иногда встречаются то тут то там, но друг другу не мешают. Иногда можно встретить группу “пешеходников”, как их немного пренебрежительно называют работники местных музеев. Улица Серафимовича упирается в развилку из трех улиц: резко вправо — улица Горького, которая ведет к Евтушенко, почти прямо — улица Маркса, по которой можно дойти до Церетели и Окуджавы, и налево — короткая улица Дружбы, которая выходит к железной дороге и зеленому массиву.

Я, немного поколебавшись, иду прямо, по улице Маркса. Догоняю медленную, весьма пожилую пару, идущую под ручку, и решаю на всякий случай уточнить, дойду ли я до Окуджавы по этой улице. Уж они-то точно знают. Все остальные прохожие выглядят туристами, и вряд ли хорошо знают географию поселка. Сморщенная старушка бросает своего кавалера, резво делает два неуверенных шага в мою сторону, как младенец, который только учится ходить, резко хватает меня за руку и начинает вслух размышлять: “Окуджава... Окуджава... Это на улице Довженко. — машет свобод-

ной рукой прямо, и неожиданно добавляет, — Я провожу!”. Меня обдает сильным запахом лука, но отстраниться почему-то не хочется. Наоборот — зачем-то хочется ее обнять. Я объясняю, чуть повысив голос, что я спешу и добегу сама, просто хотела уточнить, в правильном ли направлении я повернула. Кавалер с бельмом на левом глазу молча смотрит на меня то ли осуждающе, то ли с интересом — не понятно. Старушка объясняет мне, что надо обойти дом Церетели, и дальше по Довженко я дойду до Окуджавы: “А какие там были концерты! Что ты! Мы с детьми ходили раньше...”

Я бегу дальше. Во-первых, касса музея закрывается за полчаса до закрытия самого музея, а он сегодня до пяти. Во-вторых, я не очень понимаю расстояния здесь, а у нас тут в резиденции ужины по расписанию, сами понимаете. Но, убегая, в сердце я уношу легкую грусть.

Я заметила, что иногда моя антиреклама работает с обратным эффектом. Недавно я выложила рецензию на книгу Петера Хандке, которую дочитала с большим трудом. И моя ученица тут же скачала книгу, и начала ее читать. Хотя в рецензии я как раз не особо рекомендовала ее к прочтению.

Сам музей Окуджавы произвел на меня противоречивое впечатление. В конце “экскурсии”, о которой я чуть ниже расскажу, я уломала работника Алексея включить мне песню Окуджавы на проигрывателе, слушая которую, я боялась лишний раз пошевелиться, чтобы скрип деревянного пола не сбил эту волшебную атмосферу. К этому моменту я оста-

лась в комнате одна с недовольным Алексеем, но вот эта песня очень удачно завершила мое посещение, не могу назвать это экскурсией, на правильной ноте что ли. Ведь к Окуджаве приходят за музыкой.

Когда я зашла в один из двух домиков, где было написано “касса”, кто-то сбоку меня послал дальше по темному коридору в эту самую кассу. Впереди в большой комнате уже знакомый нам Алексей, крупный мужчина в сером растянутом вязаном свитере и с половиной отсутствующих зубов, что-то вещал двум посетителям, активно реагирующим на его краткие замечания, вставляя свои реплики в полный голос.

Я постучала в дверь справа от входа в зал и приоткрыла. Женщина с телефоном в руках подскочила с тахты, где она, видно, отдыхала в конце рабочего дня.

— Льготы есть? — не теряя времени спросила она меня, не поздоровавшись.

Я ответила, что нет, и приложила карту к терминалу.

— Заходите в зал, там вот мужчина вам все объяснит, — оборвала она меня, когда я спросила, можно ли зайти во второй домик тоже.

Расставленные для концертной программы стулья мешали нам разойтись в узком проходе. Два посетителя и Алексей уже собирались выходить из зала, на меня никто особо не обратил внимания, мы кое-как разошлись на входе, и я осталась в зале одна. Я вернулась к кассе уточнить, могу ли я сама осмотреться, поскольку мужчина, который мне должен

был что-то там объяснить, ушел.

— Алексей! — с угрозой закричала женщина из кассы.

Алексей вынырнул откуда-то из боковой комнаты и утащил меня за собой:

— Сейчас вы с нами, потом зал осмотрим, — сказал он.

Я не возражала.

Там пластинки, тут пластинки, там проигрыватели, а вот здесь автографы... Идем дальше. Мы вышли без курток в осенний двор. Погода была чудесная, хотя и обещали дожди. Идем в домик, где с 1987 года свои последние десять лет прожил Булат Окуджава. Я выпытала у Алексея, что дом, где сейчас небольшой концертный зал, это вообще был раньше гараж.

Домик Окуджавы представляет собой обычный старый деревенский дом, сохранивший все запахи. Это финский сборный домик, которые ставили в Переделкине в 1950-е годы, как часть «второй волны» дач Литфонда. Пришлось опять попытать нашего горе-экскурсовода, чтобы узнать, что до Окуджавы в этом домике жила вдова то ли Ильфа то ли Петрова. Однако беглый серфинг в поисковике не подтвердил эту информацию. Илья Ильф и Евгений Петров одни из первых получили дачи в Переделкино от Литфонда еще в 1930-х годах, и располагались они, разумеется, в центре поселка, недалеко от известной дачи Пастернака.

Низкие потолки, приглушенный свет, старая мебель, очень много разных памятных безделушек, о которых было

бы довольно увлекательно разузнать, но, видно, не в этот раз. Коллекция колокольчиков, печатная машинка, топчан в кабинете. Невысокая фигура Булата Окуджавы на крыльце — он отлично вписывался в этот интерьер.

Алексей торопится, подгоняет нас, ему надо зал показать мне и еще одной паре, которая также присоединилась в середине нашей “экскурсии”. Идем обратно в первое строение, осматриваем быстро зал — за стеклом вдоль стен выставлены бесконечные ряды разношерстных подарков. Задумываешься, зачем нужны все эти сувениры, которые даже не Окуджава привез из поездки. Наверху на потолке наклеены обложки от пластинок, рассматривать, что за пластинки неудобно, наверное автора.

Наверху на высоком стеллаже стоит пластинка с надписью на иврите — глаз выхватывает иврит мгновенно: Булат Окуджава, поэт-композитор, Иерусалимский театр, вторник 19.1.88... Алексей неохотно ведает нам, что Булат дружил с иерусалимским бардом, по совместительству мэром Иерусалима — позволю себе немного поправить Алексея, Булат Окуджава дружил с Ларисой Герштейн, которая в те годы была вице-мэром Иерусалима.

Слева между окон уголок с семейными фотографиями. Сын Окуджавы от второго брака Булат Булатович тоже музыкант, живет в Тбилиси с семьей. Он выступал вместе с отцом под псевдонимом Антон Окуджава, а после совершеннолетия сделал это имя официальным. Красивый парень с

черными кудрями.

Чуть выше — первая жена и старший сын Игорь. Про него нам отказались рассказывать, упрекнув, что есть вещи, которые надо оставить за закрытой дверью и не ломиться везде, где только можно. Спустя пару минут Алексей доверительно наклонился ко мне и, чуть понизив голос, чтобы это осталось между нами, сообщил о трагедии в семье Окуджавы. Сын Игорь связался не с теми людьми, подсел на запрещенные вещества и чуть не сел в тюрьму. Про него не принято рассказывать.

Но мы умеем пользоваться интернетом. Булат Окуджава развелся с первой женой, когда Игорю было десять лет. Через год после развода в возрасте 39 лет умерла его мать (первая жена Окуджавы), и родственники с ее стороны не дали Булату забрать сына в свою новую, только что созданную семью. Это было в 1965 году, когда во втором браке только родился Булат-Антон. Бедного Игоря таскали по всей стране — сначала тетя (сестра матери) увезла его во Владивосток. Потом бабушка и дедушка забрали его в Москву. Но с отцом у него связь уже была утеряна. Он пытался быть музыкантом, работал звукорежиссером в одном из театров, не смог обрести семейное счастье, употреблял и ушел из жизни в возрасте 43 лет, на несколько месяцев опередив кончину знаменитого отца. Игорь ушел в январе, а Булат Шалвович умер в июне 1997 года.

В конце нашего путешествия мне, как я уже упомянула

выше, удалось послушать одну песню в исполнении барда на проигрывателе в маленькой комнате. И это очень меня тронуло, просто до слез. Жаль, что не включают его музыку в каждой комнате для всех посетителей.

Выйдя на улицу, я прошлась немного по двору, заваленному осенними листьями, уютному и простому. Рядом с жилым домиком стоит небольшая сцена. Наверное, летом здесь проводят концерты бардовской музыки.

Напротив домика высажены туи с табличками — Юрий Шевчук, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко... По моему эти туи лучший подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.